

Билингвизм в Республике Ингушетия: ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ

САГОВ Руслан Закреевич

*Старший научный сотрудник отдела
ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского
института гуманитарных наук имени Чаха Ахриева,
г. Магас, Россия.*

Электронная почта: ingushnauka@mail.ru.

Bilingualism in Ingushetia: Approaches to the Meaningfulness

Ruslan Z. SAGOV

*Senior researcher,
Department for the Ingush Ethnology Studies,
Ingush Research Institute of Humanitarian Studies,
Magas, Russia
E-mail: ingushnauka@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается современное состояние ингушского языка и использования его письменности. Автор отмечает, что при формальном равноправии русского и ингушского языков их общественные функции и реальная роль далеко не одинаковы. В отличие от других языков ингушский, переходя на «более высокий уровень» развития, став письменным, наоборот начал терять свою природу. Данная ситуация во многом стала результатом политики, проводившейся в советский период. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что в Республике Ингушетия, как и в

ряде других регионов Северного Кавказа, распространено явление «смешанного двуязычия». Данное явление чревато серьезными последствиями для национальной культуры, языка и национального развития вообще.

Ключевые слова: билингвизм, Республика Ингушетия, ингушский язык, чистое двуязычие, смешанное двуязычие.

Abstract

The article discusses the current state of the Ingush language and the use of its writing. The author notes that the formal equality of Russian and Ingush languages their public functions and their real role are not the same. Unlike other languages Ingush when going to the «higher level» of development and becoming written, on the contrary began to lose its nature. This situation is largely the result of the policy pursued during the Soviet period. The author concludes that in the Republic of Ingushetia, as well as in other several regions of the North Caucasus, the phenomenon of «mixed bilingualism» is widespread. This phenomenon has serious consequences for national culture, language and national development in general.

Keywords: bilingualism, Republic of Ingushetia, the Ingush language, pure bilingualism, mixed bilingualism.

Этноязыковая ситуация в Республике Ингушетия, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Речь идет о полноценном функционировании языка коренного населения. Здесь чаще можно слышать смешанную русско-ингушскую речь. При этом современное состояние ингушского языка вызывает серьезную озабоченность.

Неоднократно проблемы ингушского языка, использования письменности ингушского языка обсуждались и поднимались, в том числе, и на уровне правительства. Эта проблема остро обсуждается и в настоящее время, где существуют различные причины, в т. ч. проблема и с преподаванием ингушского языка в вузах и сузах республики, с изданием литературы на родном языке и т. д. Создана, хотя и не работает, Орфографическая комиссия при Правительстве Республики Ингушетия.

В соответствии с Конституцией Республики Ингушетия, русский и ингушский языки равнозначно объявлены государственными в Республике Ингушетия. При этом сказано, что «сохранение, защита и развитие ингушского языка является обязанностью государства» [6, ст. 14]. В связи с этим необходимо отметить, что при всем формальном равноправии русского и ингушского языков, общественные функции этих языков, их реальная роль и значение далеко не одинаковы, что оказывает негативное влияние на ингушский язык.

Вместе с тем, надо отметить, что эта ситуация сложилась не случайно. «Следует учесть и еще одну немаловажную деталь. Долгие годы культурная политика государства выстраивалась на приоритете интеграционных процессов, поощрений взаимодействий, взаимовлияний, а главное — сближении и слиянии различных наций и народностей. При этом в основе культурной интеграции лежал совершенно неверный принцип, утверждающий стоящую над национальными и этническими культурами, культуру социалистического образца» [7, с. 45]. Прежде всего, для реализации этой политики делались попытки свести на нет культуру, и в первую очередь, язык. «Разружьте их (обычай и традиции. — Р. С.) ... и вы ... уничтожите народ» говорил В. Г. Белинский [3, с. 36].

В развитии этой политики языки малых народов были объявлены несовершенными и бесперспективными. Поэтому некоторые из них испытали на себе особое давление. Ингушский язык так же был отнесен к этой категории языков, и подлежал унификации. «В советский период здесь (на Северном Кавказе. — Р. С.) проводилась политика нивелирования этнической и культурной самоидентификации, что привело не к появлению нового типа «хомо советикус», а к заполнению пустот в исторической памяти и морали самым широким спектром ценностей антигуманного и криминогенного порядка» [4, с. 21].

К примеру, о политике, которая проводилась в целях интеграции ингушского и чеченского народов, повествует доклад Н. Ф. Яковлева, в котором, в частности, подчеркивается: «Тема сегодняшнего доклада озаглавлена, как «Проблема изучения чеченской культуры» — чеченской — в широком смысле этого слова, считая, как собственно чеченцев, так и ингушей, за две близко родственные народности» [12, с. 5].

Вместе с тем, для сближения ингушского и чеченского языков и слияния в конечном итоге двух этих народов необходимо было дать общее этническое название, которое устраивало бы оба народа. В своем докладе Яковлев говорит, что «здесь следует отметить, что в последнее время, между прочим, и в интересах науки, особенно остро ощущается необходимость в названии, под которым можно было бы объединить три народа, близко родственных по культуре и языку: чеченцев, ингушей и бацой (тушин). З. К. Мальсагов предлагает для этой цели название народы «нахской» группы; я считаю этот термин приемлемым, с тем, может быть, изменением, которое яснее подчеркнуло бы происхождение этого названия от выражения «вейнах» — (vaj naх) — «наш народ», как эти народы сами себя называют, т. е. я предлагаю термин «вейнахской» группы» [12, с. 5].

Далее в развитии данного тезиса Яковлев отмечает, что «к таким давно назревшим мероприятиям относится вопрос объединения и согласования (унификации) национальной письменности, в первую очередь — алфавитов» [12, с. 6]. «На 2-й конференции по просвещению горцев в Ростове-на-Дону (1925 г.) уже было принято постановление об унификации алфавитов по близко родственным группам языков. Для этой цели должны были быть созданы специальные конференции (черкесская состоялась в Кисловодске в июле 1925 г.). К сожалению, предполагавшаяся чечено-ингушская конференция по этому вопросу во Владикавказе до сих пор еще не собралась» [12, с. 6]. Несмотря на то, что представители Чечни, поднимали этот вопрос [12, с. 6].

Ингушский ученый С. У. Патиев, касаясь этих проблем, пишет, что «...в свое время были разработаны директивы по созданию единого чечено-ингушского языка (постановление Чечено-Ингушского Обкома ВКП (б) «О едином чечено-ингушском литературном языке», принятое еще в 1934 г.» [9]. Далее он пишет, что «в период развенчивания культуры личности И. В. Сталина, практика слияния языков и народов была признана пагубной, а сталинская теория языкознания — фашиствующей теорией. Весь мир отказался и осудил политику диктата, но в отношении ингушей сталинские эксперименты продолжают по сей день» [9].

«Социальная политика, проводимая государством в отношении этих народов (речь идет о репрессированных народах, в т. ч. и об ингушском. — Р. С.), лишила традиционных сфер жизнедеятельности, разрушила многовековой уклад их жизни и культуры» [12, с. 5]. Это результат национальной политики коммунистического режима, вследствие чего и сложилась кризисная ситуация ингушского языка, с изучением и использованием языка во всех сферах жизни народа.

Важнейшим элементом, основой общения и развития духовной культуры нации, средством приобщения к ней, является родной язык. Через него же обеспечивается и преемственность поколений. Язык выступает основным каналом передачи ценностей духовной культуры от поколения к поколению. Язык вообще относится к сущностным признакам нации. Это способ мышления, стержень национальной культуры и этничности вообще. Язык хранитель тайн истории, источник информации и т. д. «Он хранит память не только о духовных ценностях, но и контактах с другими народами: древней Передней Азии, России, Грузии, Армении, народами Северного Кавказа» [8, с. 28].

«К утрате национальной опоры ведет ослабление позиций родного языка. Язык — самая крепкая связь, соединяющая членов группы, в одно и то же время он — «символ и защита группового единства» (Ж. Вандриес), другими словами, язык есть феномен, цементирующий общество, консолидирующий его и способный мобилизовать его силы и дух на решение исторически важных для него задач. Если же ослабляется коммуникативная функция языка, это значит, что социальные связи, его скрепляющие, ослабли, и это может грозить национальной трагедией» [2, с. 104].

Каждый язык, переходя на качественно иной уровень, получает возможность развития, т. е. язык, став письменным, фиксирует свои естественноисторические закономерности, сохраняет как фонетический, лексический состав, так и природу — морфологию языка.

Но с ингушским языком получилась иная история. В отличие от других языков ингушский, переходя на «более высокий уровень» развития, став письменным, наоборот стал терять свою природу. Хотя и нельзя сказать, что письменность сыграла негативную роль, но получилось так, что

с внедрением письменности ингушский язык, став литературным, подвергся в определенной степени «деформации».

Изначально, т. е. став письменным, ингушский язык, можно сказать, стал подвергаться инородному воздействию. Речь идет о литературном ингушском языке, который в той или иной степени, все же в процессе функционирования оказывает влияние на живой ингушский язык вообще.

Таким образом, изначально были созданы условия, которые привели к отходу ингушского населения от ингушской литературы и в итоге от языка. Литературный язык для ингушского читателя труднодоступен вследствие не соответствия его природе ингушского языка. Произошло это, на наш взгляд, вследствие трудного чтения литературы на письменном ингушском языке. Параллельно ингушского читателя втягивали в русскоязычную литературу. И это происходило довольно быстро и объективно, т. к. русский язык вообще как государственный язык Российской Федерации, естественно доминирует во всех областях жизни во всей России.

Все это время не было, и, к сожалению, нет до сих пор ни одной национальной школы, обучение на родном языке в Республике Ингушетия не ведется. А преподавание родного языка в большинстве школ республики, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Происходит постепенное сокращение распространения родного языка, в том числе и в семейно-бытовой сфере. Вероятно, это основная причина незнания своего языка сегодня, особенно среди молодежи Ингушетии.

В результате это привело к тому, что ингушский язык стал бытовым, находясь в зависимых условиях от государственного языка. По мнению специалиста Министерства образования Республики Ингушетия С. А. Хамчиева, «с первого класса обучение велось на русском языке. Говорить в школе на родном языке неформально запрещалось. Дети родите-

лей на праздниках, утренниках приветствовали на русском языке. Если в школе родной язык изучался как предмет, то в дошкольных учреждениях родному языку вообще не учили. Все это делалось, чтобы превратить нас в народ без истории, без территории, без своего этнического лица» [11, с. 79].

Вследствие этого и сложилось современное состояние ингушского языка. В 1995 г. проводилось социологическое исследование, в поле зрения которого были и проблемы ингушского языка и литературы, т. е. насколько хорошо ингуши знают ингушский язык, читают литературу на ингушском языке и т. д. По результатам социологического опроса только 19 % из числа опрошенных знают ингушский язык хорошо; 47 % владеют разговорной речью, т. е. бытовым языком; 31 % опрошенных говорят на смешанном русско-ингушским языке; 3 % знают родной язык очень плохо [1, с. 9].

В итоге это и привело к двуязычию в худшей его форме, т. е. к смешанному (нечистому) двуязычию. «Характер двуязычия неодинаков и проявляется различно в зависимости от условий, его породивших. А. В. Щерба различает «естественное двуязычие» и «искусственное двуязычие», «чистое двуязычие» и «смешанное двуязычие» [5, с. 18].

В условиях «чистого двуязычия» языки существуют на равных условиях, обогащая друг друга, в том числе и обогащая интеллект их носителей. «Смешанное двуязычие», это, по сути, незнание ни одного языка на должном уровне, которое рано или поздно приведет к одноязычию. Естественно, в рассмотренных условиях — к потере родного языка, родной речи. Эта проблема типична, наверное, для всех национальных республик. Об этих проблемах говорят исследователи национальных республик Северного Кавказа [10, с. 65]. В ингушском случае имеет место аналогичная ситуация, если не сказать, что дело обстоит хуже.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что смешанное двуязычие — негативное явление и чревато серьезными последствиями для национальной культуры, языка и национального развития вообще. Очевидно, что политика, направленная на создание нового языка, что искусственным путем невозможно, наряду с условиями, если выразиться словами А. В. Щерба, «искусственного двуязычия» — «смешанного двуязычия», привели к сложной этноязыковой ситуации в Республике Ингушетия.

Использованная литература:

1. Акиев Б. А., Сагов Р. З., Абирова М. С. Проблемы духовного возрождения. (Опыт социологического исследования) // Духовное возрождение ингушского народа: история, современность, перспективы: тез. докл. респ. науч.-практ. конф. Назрань, 1995.
2. Ахриева Р. И. Возрождение духовной культуры ингушей как средство консолидации народа // Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики: материалы респ. науч.-практ. конфер., (Назрань 21 декабря 1996 г.). Саратов: Детская книга, 1997. С. 103–105.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 1.
4. Варданян О. А. Этнокультурная память: проблемы третьего тысячелетия // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру: материалы симпозиума. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 1998.
5. Галич Н. В. Феномен двуязычия и некоторые проблемы методики обучения языкам // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру: мате-

- риалы симпозиума. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та, 1998.
6. Конституции Республики Ингушетия (в ред. Закона Республики Ингушетия от 04.12.2002 г. № 46-РЗ) // Ингушетия. 2002. № 135.
 7. Концепция развития Таймырского окружного краеведческого музея / под ред. Н. А. Никишина и В. Ю. Дукельского. М.; Дудинка: Российский ин-т культурологии; Таймырский окружной краеведческий музей, 1993.
 8. Оздоева Ф. Г. Язык как основа духовной жизни народа // Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики: материалы респ. науч.-практ. конфер., (Назрань 21 декабря 1996 г.). Саратов: Детская книга, 1997.
 9. Патиев С. У. К вопросу о «вайнахских» языках // Ингушетия». 2004. № 18. 19 февр.
 10. Сагов Р. З. Язык как основа и «индикатор» культуры // Вопросы истории Ингушетии. Магас: Ингушский научно-исследовательский ин-т гуманитарных наук, 2004.
 11. Хамчиев С. А. Последствия депортации ингушей и ее влияние на морально-нравственный облик нации // Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики: материалы респ. науч.-практ. конфер., (Назрань 21 декабря 1996 г.). Саратов: Детская книга, 1997.
 12. Яковлев Н. Ф. Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликая Ингушетия. СПб.: АЙЮ, 1999.